

И.А. ЯБЛОКОВ

**ТЕОРИИ ЗАГОВОРА В СОВРЕМЕННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЯХ РОССИИ
И США: НАСКОЛЬКО МАРГИНАЛЕН
ЯЗЫК КОНСПИРОЛОГИИ?¹**

Теория заговора представляет собой одно из наиболее интересных и одновременно противоречивых явлений современной общественно-политической жизни, которое легко пересекает границы государств и вписывается в рамки всех известных идеологических концепций. Книжные магазины и федеральные российские телеканалы стали основным источником знания о всевозможных мировых заговорах для россиян. Вдобавок Интернет обеспечил свободный и круглосуточный доступ к вселенной теорий заговора и помог объединить усилия исследователей данного феномена [Barkun, 2003, p. 20]. Можно сказать, что на сегодняшний день теории заговора стали одной из широко распространенных моделей объяснения «истинных» причин многих событий.

В общественном сознании России и стран Запада устойчивым является представление о том, что теория заговора – это неотъемлемая часть идеологии лишь некоторых политических групп – право- и леворадикалов, ортодоксальных сторонников коммунистической идеологии и других течений, политическая идентичность которых подразумевают наличие ярко выраженной фигуры «Другого». Однако то, что теории заговора используются и членами правящих партий,

¹ Автор благодарит Питера Найта (Dr. Peter Knight) за помощь в подготовке данной статьи.

политические позиции которых не ассоциируются с политическим радикализмом, придает им ауру правдивости.

Несмотря на отдельные попытки осмыслить теорию заговора с позиций политической науки, своеобразный «поляризующий» эффект данного явления на научное сообщество очевиден. Идеи заговора сложно связать с умеренными либерально-демократическими идеологиями, так как они связываются с «дискурсом маргиналов». По этой причине политические, социальные и экономические предпосылки бытования тех или иных мифов о заговоре в современном обществе остаются за рамками научных дискуссий.

В данной статье я продемонстрирую, каким образом идея заговора интегрируется в идеологию различных политических групп в постсоветской России и в США, и попытаюсь поставить под сомнение ее маргинальность. Выбор стран для исследования достаточно очевиден. «Американская традиция» конспирологического мифотворчества – это хрестоматийный и хорошо изученный случай. Американская гуманитарная наука вот уже более 60 лет исследует истоки и специфику американских теорий заговора и проделала огромную эволюцию в этом вопросе. Вместе с тем демократические устои государственной модели США позволяют рассматривать теории заговора как инструмент политической борьбы и выражения мнения, отличное от мнения большинства. Это дает возможность исследователям осмыслить механизм использования теорий заговора в идеологиях различных политических групп, не только маргинальных.

В то же время российские теории заговора пока мало изучены, хотя они оказывают существенное влияние на политические процессы. В результате они оказываются отданы на откуп публицистам и писателям (таким, как Александр Дугин, например), которые и формируют восприятие феномена у обычных людей. Кроме того, очевидное различие в демократическом развитии двух обществ, российского и американского, дает возможность избавиться от предрассудков и раздвинуть рамки понимания данного феномена, изучив специфику его использования современными политиками.

Постигая теорию заговора: Опыт западной научной мысли

Первым самостоятельным исследованием феномена теории заговора стала работа американского историка Ричарда Хофстэда-

тера, который в 1960-е годы ввел в научный оборот термин «параноидальный стиль мышления» [Hofstadter, 1996, p. 29–30]. Подход Хофстэдтера часто называют «символическим» ввиду особого внимания автора к иррациональной и символической стороне политики. Вводя термин «параноидальный стиль», Хофстэдтер оговаривался, что использует его не как психолог, а как историк, стремящийся найти определенную характеристику явления и обозначить особую группу населения в США, которая в течение всей истории государства находила в обществе заговорщиков и объединялась в борьбе с ними. По мнению Хофстэдтера, теория заговора в ее современном виде, сложившемся в эпоху Просвещения, была попыткой человека, лишившегося религиозной картины мира, рационально осмыслить происходящее. Описанный Хофстэдтером конспиролог вовлечен в непрекращающуюся битву со всемогущим и не допускающим ошибок врагом. Такое восприятие явления надолго определило рамки его осмысления.

Одним из наиболее последовательных сторонников Хофстэдтера стал американский политолог Дэниэл Пайпс. В своей книге «Заговор» он продолжил линию Хофстэдтера, выявляя параноидальный стиль мышления в современной американской политике [Пайпс, 2008]. Однако ни Пайпс, ни другие авторы, работавшие в рамках данного подхода, не предложили эффективной модели анализа теорий заговора. Отсылки к авторитарным режимам и параноидальным страхам диктаторов не могли описать всего спектра теорий заговора и объяснить, почему в демократической Америке 1990-х годов количество теорий заговора увеличивалось в геометрической прогрессии.

На этот вопрос попытались ответить сторонники другого научного направления, которых в историографии называют «реалистами». Отправной точкой их концепции был тезис о том, что едва ли верно рассматривать в качестве сумасшедших и параноидальных личностей окружающих нас людей только потому, что они верят в заговор. Напротив, истинные «теоретики заговора» сосредоточены в маленьких праворадикальных группах, которые в тяжелые для страны времена активизируются и получают поддержку граждан. Их лидерам не чуждо стремление манипулировать страхами ради получения голосов избирателей. Более того, после Второй мировой войны образ врага нации в США стал вообразимой конструкцией, не связанной с реальными проблемами, которую

политики активно используют для получения голосов избирателей. Таким образом, процесс «сотворения» теорий заговора с окраин политического дискурса плавно перешел в центр, принимая форму общепринятого знания [Rogin, 1987, p. 68].

Необычайный всплеск популярности теорий заговора в 1990-е во всем мире вновь актуализировал вопрос о месте теорий заговора в современной культуре. Популярные книги и сериалы вывели теории заговора за привычные рамки «религии для сумасшедших», сделав их одним из функциональных инструментов современного общества. К тому же до сих пор неясно, каким образом можно отличать действительный заговор, являющийся частью политического процесса, от вымыслов о заговоре. Этот посыл стал основополагающим для формирования третьего подхода к теориям заговора [Knight, 2000; Fenster, 2008].

В ежедневно меняющемся мире, где традиционные государственные институты неспособны отвечать на вызовы времени, теории заговора обретают иной смысл и значение. Ученые определили, что теории заговора – это своеобразный ответ на несовершенство общественной и политической систем. Этот взгляд позволяет определить теории заговора как способ перераспределения власти, подчеркивая несовершенство экономической, политической или культурной жизни и превращая теории заговора в политическую стратегию и способ формирования и продвижения идеологической повестки дня. Описывая свою концепцию, Фэнстер подчеркивал, что теория заговора – это популистская теория власти [Fenster, 2008, p. 84–90]. Популистская она потому, что позволяет временно объединить массы людей против воображаемой группы заговорщиков под довольно простыми лозунгами и, тем самым, достичь необходимого политического результата. При этом Фэнстер строил свои доводы на концепции популизма Эрнесто Лакло, который описывал популизм как модус идентификации, доступный любому актору, находящемуся в сфере политического, в котором присутствует противопоставление «оппозиция – власть», а также есть запрос на суверенность народа [Panizza, 2005, p. 4].

Описывая действие популистской риторики, Лакло разделял социум на две части: народ (the people), выдвигающий определенный запрос (demand), и «Другого», представляющего элиты, обладающие властью. Таким образом, общество разделяется на Нас и Их. Мы – это народ, который Лакло еще называл аутсайдером

(underdog), и Они, «властный блок» (power bloc). «Наша» задача – перераспределить власть в свою пользу, выполнив Наш запрос, и таким образом удовлетворить свои потребности, изменив баланс политического неравенства. В ходе этого процесса различные группы общества соединяются воедино, образуя новые политические идентичности. При этом чаще всего они временные и после выполнения задачи могут распадаться или объединяться в иные структуры [Laclau, 2005, p 34–38].

Использование данной концепции для исследования теорий заговора может дать новые результаты для понимания языка теории заговора и его места в политических идеологиях. Во-первых, решается проблема маргинализации теорий заговора, поскольку таковые становятся частью политического языка любого демократического общества, а не только маргинальных групп. Создавая и распространяя теории заговора, люди стремятся выразить свое недовольство тем, как распределена власть в обществе, сообщить о дисбалансе и дать политикам возможность ответить на свой запрос. Во-вторых, «объединительный» эффект теории заговора очевиден. Процессы формирования политических и национальных идентичностей практически всегда включают в себя образ «Другого».

Проанализировав подходы к изучению теорий заговора, рассмотрим два примера из современной политической истории России и США с целью понимания того, как теории заговора становятся частью политической идеологии и воздействуют на политическое развитие современного общества. Предложенные кейсы помогут понять, настолько ли маргинальны теории заговора, как о них принято думать, и в какой мере степень развития демократии в стране препятствует становлению теорий заговора в качестве основы для идеологий.

Импичмент Бориса Ельцина (1998–1999): Конспирологические аспекты постсоветских политических идеологий

Колоссальные изменения в политике России в 1990-е годы вывели использование теорий заговора на новый уровень. Обвинение политического противника в участии в «антинародной» политике, нацеленной на уничтожение нации, часто «под контролем» Запада, стали доминирующим инструментом политической идео-

логии многих ведущих российских политических движений. «Партия реванша», сформировавшаяся после событий октября 1993 г. и включавшая коммунистов (КПРФ), национал-патриотов (Александр Проханов) и русских фашистов (Александр Баркашов), получила значительное количество мест в парламенте, что, в частности, позволило ей в полной мере использовать инструментарий теорий заговора, чтобы усилить свои политические позиции и ослабить команду Ельцина.

Парламентская комиссия по отрешению от должности президента РФ, руководимая Вадимом Филимоновым и Виктором Илюхиным в 1998–1999 гг., пыталась обвинить высшее руководство страны в пособничестве «Западу». Были сформулированы пять пунктов обвинения против Ельцина: развал СССР в 1991 г.; расстрел парламента в октябре 1993 г.; война в Чечне; ослабление обороноспособности России; геноцид российского народа. За исключением войны в Чечне, четыре из пяти пунктов содержали открытые обвинения Ельцина в намеренном уничтожении населения в «интересах Запада».

Согласно выдвинутому обвинению, подписание Беловежских соглашений в декабре 1991 г. подорвало обороноспособность России, что соответствовало запросам геополитических противников СССР [Враг народа, 1999]. Более того, это шло вразрез с мнением, высказанным советскими гражданами на референдуме 17 марта 1991 г., когда простое большинство поддержало идею о сохранении СССР. Илюхин заявлял, что «Советский Союз рухнул не в результате естественных и закономерных процессов... а вследствие политического заговора “пятой колонны”... в результате заговора, во главе которого стоял Б. Ельцин» [Илюхин, 2010]. Ссылка на референдум 1991 г. не только служила доказательством стремления Ельцина к власти, но и имела символическое значение. Поправ решение «людей», которых представляли авторы обвинения, Ельцин становился «Другим» для большинства россиян.

Расстрел парламента в октябре 1993 г. служил для депутатов доказательством того, что Ельцин готов пойти на все, чтобы сохранить свою власть. Это не только добавило весомости обвинениям, но и способствовало объединению разнообразных политических партий (включая либеральное «Яблоко») фактически на основе идеи о заговоре. Тем самым, подтвердилась гипотеза Лакло о популистской риторике как действенном способе объединения

разрозненных групп населения с целью перераспределения власти от одного актора к другому.

Пятым пунктом импичмента был геноцид российского народа, произведенный, согласно Илюхину, путем изменения социально-экономических отношений в стране и введением частной собственности и свободы ценообразования. Эти действия лишили огромное количество населения рабочих мест и заработной платы. Одновременно с этим «на долю относительно благополучных 20% населения сегодня приходится более половины совокупного объема доходов, причем основная их часть присваивается кланом 200–300 семей, узурпировавшим большую долю национальных богатств и государственную власть в стране» [Илюхин, 2010]. В лучших традициях конспирологического мифотворчества Илюхин описал грандиозный план разрушения нации через уничтожения целых социальных групп (пенсионеры, ученые), способных передать память о прошлом будущим поколениям.

Определяя геноцид против русских как «массовое умерщвление, уничтожение людей с помощью финансово-экономической, социальной удавки, наброшенной на шею российских народов», Илюхин использовал все возможные способы формирования образа Ельцина как глубоко чуждого политического актора для вообразимо единого сообщества российских «людей» [Илюхин, 2010]. Идея о геноциде российского населения в такой формулировке могла бы иметь мощное объединяющее воздействие, если бы не специфика российского национального самосознания. Как продемонстрировал политолог Евгений Финкель, использование идеи о геноциде подразумевает восприятие собственного народа как беспомощной жертвы, что в случае постсоветской России невозможно: «Доминирующий исторический миф военной силы, статуса сверхдержавы и победы во Второй мировой войне трудно совместить с позицией бессильной жертвы» [Финкель, 2012, с. 301]. Таким образом, идеология русского национализма, активно эксплуатирующая различные теории заговора, противоречит установкам массового сознания. Ее непопулярность сказалась и на результатах голосования по импичменту: этот пункт набрал минимальное по сравнению с другими количество голосов – 236.

Импичмент Борису Ельцину, основанный на идее антироссийского заговора, стал успешной мобилизационной стратегией для оппозиции, вне зависимости от политической идеологии пар-

тии. Коммунистам и национал-патриотам идея о заговоре Ельцина против русского народа была важна для продвижения своей идеологии накануне парламентских выборов 1999 г. Широко освещаемая в СМИ кампания позволила Илюхину и другим членам «патриотического» лагеря привлечь к себе внимание избирателей.

В то же время либеральная оппозиция, также принимавшая активное участие в импичменте, основанном на идее о заговоре Ельцина, использовала эту кампанию как шанс вернуться к управлению страной, утерянному после дефолта августа 1998 г. Поддержка импичмента либеральными силами, представленными в парламенте, могла стать фактором их легитимизации в глазах потенциальных избирателей. Голосуя за пункты импичмента, депутаты от либеральных партий тем самым снимали с себя часть ответственности за произошедшие ошибки либерального правительства и делегитимизировали Ельцина, пытаясь найти поддержку у граждан, критично относившихся к Ельцину, но не поддерживавших коммунистов и национал-патриотов.

Как отмечал Марк Фенстер, теория заговора как модус популистской логики не чужда демократии и может служить в качестве важного вызова политическому строю, подчеркивая социально-экономическое и политическое неравенство внутри общества [Fenster, p. 90]. Кампания 1998–1999 гг. по отрешению Ельцина от должности, в ходе которой различные политические силы объединились на базе антизападных теорий заговора, стала серьезным вызовом молодой политической системе. Подчеркивая отстраненность экономических проблем и социально-экономического неравенства, усугубленных дефолтом 1998 г., оппозиционеры в терминах теории заговора фактически формулировали запрос на смену парадигмы социально-экономической модели общества. Однако, реагируя на этот запрос, политическое руководство страны, впрочем, тоже опираясь на популистскую риторику, выбрало путь авторитарного преобразования политической системы совместному поиску компромисса [Shevtsova, 2005, p. 20–21].

Пример импичмента показывает, что теории заговора могут занимать отнюдь не маргинальное место в риторике политических партий, участвующих в демократическом процессе. Вне зависимости от политической платформы, многие политики с успехом используют их для делегитимизации политических противников и усиления собственных позиций. При всей одиозности идеологии

российских национал-патриотов и коммунистов, было бы заблуждением считать, что их взгляды, испытывающие огромное влияние теорий заговора, являются маргинальными и имеющими малое значение в спектре российской политики. Уже тот факт, что кремлевские идеологи 2000-х заимствовали большую массу идей из набора национал-патриотов и сделали их мейнстримом современной политической идеологии, говорит об их потенциале и общественной поддержке в России.

Чтобы глубже изучить специфику функционирования теорий заговора в пространстве политических идеологий, обратимся теперь к американской политической жизни 2000-х годов и посмотрим, в чем сходство, а главное – в чем отличие использования теорий заговора в идеологии политических акторов разных политических систем.

«Движение чаепития» и антипрезидентские теории заговора в США

В январе 2009 г. президентом США стал Барак Обама – первый президент-афроамериканец в истории государства. Убедительная победа Демократической партии на выборах в Конгресс в 2008 г. и выборах президента стала тяжелым испытанием для ее политического оппонента – Республиканской партии. Еще до выборов наблюдатели отмечали критическое падение рейтинга лидеров республиканцев и отсутствие у них объединяющей повестки дня [Balz, Cohen, 2007]. Предложения по выходу из финансового кризиса, разработанные командой Обамы, способствовали рождению нового движения, ставшего мощным инструментом демократов в борьбе за голоса избирателей в 2009–2012 гг.

«Движение чаепития» (The Tea Party Movement) возникло почти стихийно, как результат недовольства принятым Обамой планом поддержки национальной экономики. Главным поводом для него стало предложение о выделении дополнительных денежных средств для должников по ипотеке. 19 февраля 2009 г. Рик Сантелли, финансовый обозреватель телеканала CNBC, комментируя новость о выделении 75 млрд долл. для программы помощи должникам по ипотеке, заявил: «Многие ли из вас хотели бы платить за ипотеку соседа, у которого есть дополнительная ванная комната, но нет возможности оплачивать счета?.. Мы думаем уст-

роить Чикагское чаепитие в июле!» [Birth of a movement, 2010]. Призыв выразить недовольство экономической политикой воодушевил политически активных американцев, создавших несколько формальных объединений под лозунгом «Чаепитие», который символизировал неповиновение верховной власти – по примеру американских колонистов XVIII в. Конгломерат различных объединений, представлявших собой либо часть электората Республиканской партии, либо различные радикальные и консервативные группы американского общества, был объединен несколькими идеями. Во-первых, требованием изменения финансовой и налоговой политики, обусловленным ухудшением положения многих домохозяйств на фоне финансового кризиса. Во-вторых, представлением, что федеральное правительство перешло границы допустимого вмешательства в жизнь американцев. В-третьих, неприязнью к личности самого президента Обамы, чей образ стал знаком «перемен» для консервативного американца, связывавшего приход чернокожего президента с концом «прежней» Америки [Walker, 2011, p. 128].

Как лидеры движения, так и его рядовые участники постоянно заявляли, что противостоят федеральной власти, интеллектуалам и коррумпированным политикам, одновременно представляя себя как движение простых американцев. Карл Роув, один из руководителей администрации Дж. Буша-мл., в эфире телеканала Fox News так описывал «Движение чаепития»: «...Оно (“Движение чаепития”. – *И.Я.*) не было сформировано элитарными “мозговыми центрами”. Это было спонтанное восстание, начавшееся в феврале 2009 г... Это не манифест, написанный кучкой интеллектуалов... Это здравый смысл Америки... Это обычные американцы за кухонным столом или в кофейне. Оно не управляется штабквартирой сверху вниз. Оно идет снизу» [Boykoff, Laschever, 2011, p. 352]. Эту точку зрения, активно пропагандировавшуюся в дружественных Республиканской партии медиаресурсах, постоянно повторяли и другие участники движения. Тем самым в публичном пространстве дискурсивно создавалась категория «народного большинства», по терминологии Лакло.

Массовые мероприятия с участием сторонников движения были призваны создать визуальный образ «большинства», противостоящего «меньшинству», «оккупировавшему» Вашингтон. Для этих целей была организована целая серия «маршей налогоплательщиков», кульминацией которой стал марш в Вашингтоне

12 сентября 2009 г., организаторы которого утверждали, что их пришло около миллиона [Markman, 2009]. «Нас больше, чем их, и мы знаем правду», – заявлял один из участников марша, противопоставляя себя сторонникам Обамы, вышедшим на его инаугурацию в январе 2009 г. [McGrath, 2010].

Такая популистская риторика была призвана объединить как можно больше людей разных идеологических взглядов в единую группу «истинных американцев», защищающих американские ценности и Конституцию (интерпретируя ее на свой лад). Как показали гарвардские политологи, общая идеологическая парадигма движения строилась на идеях «молчаливого большинства» и «истинных американцев», активно использовавшихся в политике Ричарда Никсона и Рональда Рейгана [Skocpol, Williamsson, 2012, p. 81]. В логике популизма, как уже указывалось ранее, «большинство» противостоит Другому, представляющему обладающее властью «меньшинство». Главным воплощением Другого и, по мысли идеологов и руководителя движения, явился сам президент Обама.

Именно образ Барака Обамы стал ключевой темой, позволившей использовать теории заговора в качестве инструмента политической борьбы с руководством США. Одной из самых популярных теорий заговора среди сторонников движения была идея о том, что Обама не был гражданином США с рождения (что является главным требованием к президенту согласно Конституции США), а нелегально приобрел гражданство позднее.

Истоки теорий заговора часто находятся там, где меньше всего это можно ожидать. История о том, что Барак Обама не являлся гражданином США с рождения, впервые появилась в разгар кампании по выбору кандидата в президенты от Демократической партии. Как выяснили журналисты, слухи начали циркулировать по электронной почте среди сторонников другого кандидата, Хиллари Клинтон. Утверждалось, что мать Обамы не могла лететь на самолете в Соединенные Штаты, поэтому родила Обаму в Кении, где в тот момент она проживала с его отцом. Уже после рождения она отвезла его на Гавайи, где и получила свидетельство о рождении [Smith, Tau, 2011].

Публикация сканированной копии свидетельства о рождении на официальном сайте Обамы в июне 2008 г. инициировала новую волну обвинений уже со стороны электората Республиканской партии в том, что документ – подделка. Джером Корси, автор

многочисленных теорий заговора о Демократической партии, почти сразу заявил, что свидетельство является подделкой, сильно исправленной в программе редактирования фотографий [Henig, Miller, 2011]. Детальное исследование конспирологами всех документов, опубликованных командой Обамы, продемонстрировало, что команда Обамы представила полностью сфальсифицированные свидетельства. Многочисленные сторонники этой версии разобрали каждую деталь (шрифт, дата и использованные в документе термины, тип бумаги, медицинское учреждение), каждый раз «утверждая», что документ не более, чем подделка [From A to Z, 2011].

Эта история положила начало дальнейшему развитию мифа, став важной частью идеологии «Движения чаепития». Ее эксплуатировали в целях своеобразного отчуждения Обамы от сообщества «истинных» американцев. При этом структура данного мифа напрямую не включала расистские аргументы об афроамериканских корнях действующего американского президента. Напротив, речь шла о нарушении формальных статей американской Конституции, что делало Обаму нелегитимным президентом в глазах некоторых избирателей.

Локальные ячейки движения по-разному использовали теорию заговора. При этом медиаресурсы, распространявшие информацию об их деятельности, подчеркивали, что инициатива исследования «истинного» происхождения президента Обамы являлась инициативой рядовых членов американского общества. В сентябре 2012 г. веб-сайт World Net Daily опубликовал новость о том, что шериф округа Марикопа, штат Аризона, сформировал группу из пяти экспертов для расследования подлинности документов. По его словам, к нему обратились члены отделения «Движения чаепития» в городе Сюрпрайз (The Surprize Tea Party) и потребовали выяснить подлинность документов Обамы. В противном случае, заявил шериф, если выяснится, что документы фальшивы, то конституционные права граждан его округа будут нарушены [Corsi, 2012].

В преддверии президентской кампании 2012 г. некоторые публичные персоны, стремившиеся выдвинуть свою кандидатуру от Республиканской партии, пытались использовать эту теорию заговора в своих выступлениях. Бизнесмен Дональд Трамп заявил, что люди должны знать правду о месте рождения Обамы, и если окажется, что он не был рожден на Гавайях, это будет «больше,

чем Уотергейтский скандал» [цит. по: Wing, 2012]. Трамп утверждал, что вероятность того, что Обама незаконно получил свидетельство о рождении, велика, ибо многие мечтали стать гражданами США, даже ценой нарушения закона [Collins, 2012]. Таким образом, Трамп пытался косвенно связать историю о рождении Обамы с незаконной миграцией в США, которая была одной из основных тем выборной кампании, а также активизировать в свою поддержку низовые ячейки Республиканской партии, надеясь тем самым гарантировать себе лидерское место в партии.

В результате распространения этой теории заговора в публичном пространстве США около 13% всех американских граждан в 2011 г. верили в то, что Обама не был рожден в США. В то же время около половины сторонников Республиканской партии в той или иной степени верили в то, что свидетельство о рождении Обамы – это подделка [Morales, 2011].

Необходимо отметить, что лидеры и действующие конгресмены от Республиканской партии демонстрировали скепсис и дистанцировались от теории заговора. И Джон Маккейн, и Митт Ромни, главные соперники Обамы на президентских выборах, утверждали, что Барак Обама – американский гражданин [Smith, Tau, 2011]. Однако некоторым членам Республиканской партии это стоило места в Конгрессе. Сторонники «Движения чаепития» в некоторых штатах добились победы над более умеренными представителями республиканцев, не принимавшими идею о фальшивом свидетельстве о рождении Обамы всерьез и публично ее оспаривавшими [Cillizza, 2010].

В целом можно отметить, что идея о том, что Барак Обама не являлся гражданином США по рождению, а его документы были позднее подделаны, стала популярной среди сторонников «Движения чаепития», представлявших местный уровень Республиканской партии. Продвижение этой идеи в публичном пространстве использовалось в целях делегитимизации президента и символического перераспределения его власти в пользу оппонентов, «Движения чаепития», как представителей «истинного» американского народа. Среди аргументов, направленных лично против президента Обамы, теория о фальшивом свидетельстве о рождении стала наиболее успешной стратегией «отчуждения», позволившей путем псевдонаучного конспирологического анализа публичных доку-

ментов делегитимизировать его и при этом избежать обвинений в расизме [Skocpol, p. 78].

Более того, эта идея нашла поддержку не только среди традиционно консервативных слоев американского общества, но и среди групп населения, разделяющих иные политические идеологии [Bag, 2010]. Это лишний раз подтверждает, что теории заговора выходят за рамки радикальных политических идеологий и становятся популярным инструментом интерпретации политической реальности современного мира.

Заключение

В какой мере теории заговора маргинальны? Что двигает политиками, опирающимися в своей политической деятельности на конспирологические теории? В какой мере идеология сегодняшних политических движений и партий формируется под влиянием все более популярных взглядов об «истинных» причинах события, скрытых от глаз обывателей? Насколько демократическая модель политического устройства государства обеспечивает популярность теорий заговора или защищает общество от политиков, активно использующих теории заговора в своей деятельности? Эти вопросы чрезвычайно актуальны для современной России, ибо язык и идеология почти всех ее основных политических игроков основаны на поиске врага, плетущего заговор. При этом ни оппозиция, ни члены правящей политической элиты никогда не стремились открыто маркировать конспирологический дискурс как нечто неприемлемое для молодого демократического общества.

Дебаты в Государственной думе по вопросу импичмента Ельцина в 1998–1999 гг. продемонстрировали, что язык заговора может быть фактором объединения различных политических партий, несмотря на разницу в политических взглядах и идеологиях, которые могут, в случае необходимости, отходить на второй план. Возможность бороться с политическим противником, используя доступные средства мобилизации сторонников, стала серьезным искушением как для либеральных партий, так и для коммунистов и национал-патриотов. Однако воспользоваться ими в полной мере они более не смогли, поскольку идеология нового российского президента, избранного в 2000 г., постепенно стала включать основные идеи теории, которая прежде служила политическим ору-

жием оппозиции. В 2000-х годах, успешно эксплуатируя идею о «заговоре Запада» против России, идеологи президентской администрации сумели создать идеологию «путинского большинства», активно противостоящего разрушительным действиям «иностранных агентов» внутри страны. Действуя в рамках формально демократического режима, российская политическая элита 2000-х использовала антизападные теории заговора в качестве инструмента перераспределения легитимности между властью и оппозицией, представляя своих политических оппонентов в роли «Другого».

В случае «Движения чаепития» стратегия «отчуждения» президента Обамы от «истинных» американцев через распространение теории заговора о его рождении также сыграла важную объединительную роль. Став заметным элементом идеологии движения, в особенности среди рядовых сторонников, идея о «сомнительном» происхождении президента Обамы получила развитие и на федеральном уровне. Однако общепринятое отношение к теориям заговора как к низкопробному и опасному элементу политической риторики не позволило политическим элитам, находившимся в оппозиции к политике Обамы, широко его использовать, хотя это отчасти и лишало представителей Республиканской партии электоральной поддержки.

Сравнение этих случаев заставляет серьезно задуматься о последствиях такого рода политики, прежде всего для России. Рассматривая теории заговора как элемент политической стратегии, направленной на перераспределение политической власти в обществе, нельзя не признать, что у данного явления могут быть и положительные стороны. Теории заговора могут служить для политических элит государства индикатором необходимости серьезных изменений. Однако в качестве концептуального ядра политической повестки дня и идеологии партии, а не вспомогательного инструмента для сглаживания противоречий внутри оппозиции, идея заговора несет в себе серьезный риск для политической системы.

Хотя в истории как американского, так и российского общества случались исторические эпохи, в которых теории заговора становились конституирующим элементом основных политических идеологий, этот исторический опыт, по-видимому, был усвоен по-разному. Современная российская политическая элита, подменяя реальные изменения в обществе бесконечными рассуждениями в духе теорий заговора, формирует опасный сценарий для развития страны в буду-

щем. В отсутствие демократической традиции «сдержек и противовесов» между разными ветвями власти и группами населения, характерной, например, для США, использование теорий заговора способствует дестабилизации и деградации политической системы.

Литература

- Враг народа // Коммерсант. – М., 1999. – № 79 (1723), 13 мая. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/218225> (Дата посещения: 10.06.2013.)
- Илюхин В. Обвиняется Ельцин. – 2010. – Режим доступа: <http://www.viktor-iluhin.ru/node/324> (Дата посещения: 10.06.2013.)
- Пайнс Д. Заговор: Мания преследования в умах политиков. – М.: Новый Хронограф, 2008. – 336 с.
- Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов»: Историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 292–327.
- Balz D., Cohen J. Poll finds Americans pessimistic, want change // The Washington Post. – Washington, DC, 2007. – November, 4. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/11/03/AR2007110301306.html> (Дата посещения: 07.06.2013.)
- Barkun M.A. Culture of conspiracy: apocalyptic visions in contemporary America. – Berkeley: Univ. of California press, 2003. – 243 p.
- Barr A. 41% of republicans: President Obama foreign-born // Politico. – Arlington, VA, 2010. – August, 4. – Mode of access: <http://www.politico.com/news/stories/0810/40644.html> (Дата посещения: 10.06.2013.)
- Birth of a movement / Blackmon D., Levitz J., Berzon A., Etter L. // The Wall Street Journal. – N.Y., 2010. – October, 28. – Mode of access: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702304173704575578332725182228.html> (Дата посещения: 07.06.2013.)
- Boykoff J., Laschever E. The Tea Party movement, framing, and the US media // Social movement studies: Journal of social, cultural and political protest. – L., 2011. – Vol. 10, N 4. – P. 341–366.
- Cillizza C. Christine O'Donnell upsets Mile Castle in Delaware Senate primary // The Washington Post. – Washington, DC, 2010. – September, 15. – Mode of access: <http://voices.washingtonpost.com/thefix/senate/christine-odonnell-upsets-mike.html> (Дата посещения: 10.06.2013.)
- Collins S. Donald Trump rages in CNN meltdown over Obama «birther» issue // The Los Angeles Times. – Los Angeles, CA, 2012. – May, 29. – Mode of access: <http://latimesblogs.latimes.com/showtracker/2012/05/donald-trump-rages-in-cnn-meltdown-over-obama-birther-issue.html> (Дата посещения: 10.06.2013.)

- Corsi J.R.* Elite team of 5 assigned to seek truth on Obama // WorldNetDaily.com. – Washington, DC, 2012. – September, 18. – Mode of access: <http://www.wnd.com/2011/09/346201/> (Дата посещения: 10.06.2013.)
- Fenster M.* Conspiracy theories: Secrecy and power in American culture. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 2008. – 400 p.
- From A to Z: What's wrong with Obama's birth certificate? // WorldNetDaily.com. – Washington, DC, 2011. – May, 13. – Mode of access: <http://www.wnd.com/2011/05/296881/#tAeurbocoVmXZYCM.99> (Дата посещения: 10.06.2013.)
- Henig J., Miller J.* Born in the U.S.A.: The truth about Obama's certificate // Factcheck.org. – Philadelphia, PA, 2008. – August, 31. – Mode of access: http://www.factcheck.org/elections-2008/born_in_the_usa.html (Дата посещения: 10.06.2013.)
- Hofstadter R.* The paranoid style in American politics: And other essays. – Cambridge: Harvard univ. press, 1996. – 330 p.
- Knight P.* Conspiracy culture: From the Kennedy assassination to the X-Files. – L.: Routledge, 2000. – 304 p.
- Laclau E.* Populism: What's in a name? // Populism and the mirror of democracy / Ed. by F. Panizza. – L.: Verso, 2005. – P. 32–49.
- Markman J.* Crowd estimates vary wildly for Capitol march // The Los Angeles Times. – Los Angeles, CA, 2009. – September, 15. – Mode of access: <http://articles.latimes.com/2009/sep/15/nation/na-crowd15> (Дата посещения: 10.06.2013.)
- McGrath B.* The movement: The rise of Tea Party activism // The New Yorker. – N.Y., 2010. – February, 1. – Mode of access: http://www.newyorker.com/reporting/2010/02/01/100201fa_fact_mcgrath?currentPage=all (Дата посещения: 10.06.2013.)
- Morales L.* Obama's birth certificate convinces some, but not all, sceptics // Gallup. – Washington, DC, 2011. – May, 13. – Mode of access: <http://www.gallup.com/poll/147530/obama-birth-certificate-convinces-not-skeptics.aspx> (Дата посещения: 10.06.2013.)
- Panizza F.* Introduction: Populism and the mirror of democracy // Populism and the mirror of democracy / Ed. by F. Panizza. – L.: Verso, 2005. – P. 1–32.
- Rogin M.P.* Ronald Reagan, the movie and other episodes in political demonology. – Berkeley: Univ. of California press, 1987. – 480 p.
- Shevtsova L.* Putin's Russia. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – 457 p.
- Skocpol T., Williamson V.* The Tea Party and the remaking of republican conservatism. – N.Y.: Oxford univ. press, 2012. – 245 p.
- Smith B., Tau B.* Birtherism: Where it all began // Politico. – Arlington, VA, 2011. – April, 22. – Mode of access: <http://www.politico.com/news/stories/0411/53563.html> (Дата посещения: 10.06.2013.)
- Walker C.E.* «We're losing our country»: Barack Obama, race & the Tea Party // Dædalus. – Cambridge, MA., 2011. – Vol. 140, N 1. – P. 125–130.
- Wing N.* Donald Trump: «Birther» is a «derogatory term» // The Huffington Post. – N.Y., 2012. – June, 5. – Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/2012/06/05/donald-trump-birther-derogatory_n_1571871.html (Дата посещения: 10.06.2013.)